

И вернулся в Пулковово

сизу. Солдат тот снова выходит, и интересный диалог у нас с ним случился. Он: «Чего сидишь?» — «Жду перевязку». Он: «Убирайся отсюда, пока цел!» Я: «Ходить не могу!». Он: «Но ползти-то можешь? Вот и отползай!» Ну что делать? Нужно ползти на другой берег, там медсанбат. Ползу к реке, по дороге ногу вывихнул, но упорно дальше ползу. Вот и река, покрытая льдом. А ползти по льду тяжело: торосы кругом. Немцы ведь чуть ли не каждый день по льду стреляли. Чтоб лед расколоть. Но все равно ползу. Начал ползти от землянки где-то часов в 12 дня, а переполз на другой берег часов уже в пять вечера, смеркалось.

И все-таки раненому удалось доползти до берега. Переполз — и свалился в окоп. Что спасло ему жизнь, поскольку немцы открыли шквальный огонь. Как только он стих, Александр Николаевич выбрался из окопа и пополз к медсанбату. Дополз, и его сразу же положили на операционный стол.

— Дальше — ничего не запомнил. Несколько дней лежал в беспомощности. Меня ранило 10 декабря, а очнулся я 17-го в госпитале, который занимал помещение школы на углу Обводного канала и Московского проспекта. Осколки из ноги мне и потом вынимали, операций пять было. Но все равно один так и остался — маленький и тонкий, как лист бумаги, — рассказывает Александр Николаевич.

А НА СТЕНЕ РЕЙХСТАГА РАСПИСЫВАТЬСЯ НЕ СТАЛ

Из госпиталя Дадаева перевели в так называемый батальон выздоравливающих, располагавшийся в здании рядом с Марсовым полем. В батальоне том было страшнее, чем на фронте.

— Очень много раненых умирали. Несколько комнат было завалено трупами. И каждый понимал: скоро может подойти и его очередь, — говорит Александр Николаевич.

Чтобы как можно быстрее вернуться в строй, Дадаев старался больше ходить, стал выходить на улицу. Знакомые посоветовали ему обратиться в геодезическую часть, которая базировалась на улице Воинова. В ту часть его не приняли, поскольку там требовалось иметь офицерское звание, зато приняли в военно-топографический отряд. В группу, которая базировалась на Московском проспекте. Александр Николаевич оставался в военно-топографическом отряде до декабря 1944 года.

Бойцов отряда часто направляли в район Пулковы. И на Пулковских высотах Александра Николаевича ранило:

Руины главного здания Пулковской обсерватории. Фото 1944 года.

На то, чтобы полностью восстановить знаменитую обсерваторию, ушли годы.

— Был дан приказ уточнить границы расположения войск противника. Мы вышли на разведку. Нужно было идти по Волхонскому шоссе. Нас предупредили: перекрестки стараться обходить, поскольку они — на прицеле у немцев. Идем, подходим к перекрестку, нужно идти в обход. Нас пять человек. Но командир, молоденький лейтенант, приказывает идти прямо. На войне нельзя не выполнять приказ. И не успели мы дойти до перекрестка, как рвануло. Мина. Четверых ранило, и тяжелее всех — того молоденького лейтенанта. Меня ранило в голову, но кость осколок, к счастью, не пробил. Когда вернулся в часть, мне дали отпуск на три дня, чтоб отлежался. Отлежался — и снова на передовую.

Для Дадаева война закончилась уже в Германии (Александр Николаевич к тому времени получил звание младшего лейтенанта).

— Был в Берлине, по Рейхстагу ходил. Пинал ногами бумажки разные их, бланки. Это уже когда было объявлено о капитуляции Германии. Автографа своего на стенах не оставил. К чему? Мне показалось это не очень-то остроумным. Да и понятно: здание будут ремонтировать и надписи сотрут, — поясняет Дадаев.

После службы в армии Александр Николаевич поехал к родителям в Ростов, устроился на работу в институт, преподавал математику. У него уже была невеста в Вышнем Волочке — Раиса, тоже фронтовичка. (Брак, к слову, оказался очень счастливым, Александр Николаевич и Раиса Николаевна прожили вместе много лет, вырастили троих детей, отметили золотую свадьбу. Несколько лет назад Раисы Николаевны не стало.)

Теперь, когда настало долгожданное мирное время, звезды вновь властно заявили о себе.

Решил поступать в аспирантуру в Пулковскую обсерваторию. Ректор института, подписывая приказ об увольнении, едко заметил: «Генералом от науки хочешь стать?» (Хотя к тому моменту Дадаев уже был назначен заместителем ректора по науке.) И Дадаев ответил: да. Ну как объяснишь, что наблюдение за звездами тебе дороже самой престижной должности?

В декабре 1948 года Александра Дадаева зачислили научным сотрудником Пулковской обсерватории.

И СНОВА ПУЛКОВО

Пулковская обсерватория фактически была превращена в руины. Все нужно было восстанавливать. Александр Николаевич с семьей поселился на территории обсерватории.

— Разруха кругом. Хотя даже не она была страшна. Страшны были мины, которых в районе оставалось еще очень много. На минах тех сколько коров погибло! И дети, случалось, гибли. Овраг тут был неподалеку, так в него каждый день саперы снаряды свозили и потом взрывали. А по-

том на месте того оврага водоем образовался. И мы, дети, в нем купались, — вспоминает Светлана Александровна, одна из дочерей Александра Николаевича.

Отстраивалась обсерватория, продолжались прерванные войной научные исследования. Александр Дадаев получил степень кандидата физико-математических наук, долгое время был ученым секретарем обсерватории, затем заведовал астрофизической лабораторией.

Свою работу в Пулковке Александр Николаевич начал с наблюдения за звездами-сверхгигантами. Его диссертация так и называлась: «Природа горячих сверхгигантов». Эти далекие звезды с их голубовато-притягивающим мерцанием стали основной темой научных изысканий. Второй темой стало изучение времени.

— Знаете, когда много наблюдаешь за звездами, неизбежно задумаешься о том, что стоит за мирозданием. Вот и я, изначально будучи воинственным безбожником, пришел к выводу о существовании духовной жизни независимо от жизни материальной. Уверен: духовное начало и материальное начало между собой ничего общего практически не имеют. Духовное — это одно, материальное — другое. Одного из другого не может получиться. Материалистическая наука исходит из того, что органическая жизнь возникла на основе материальной жизни (хотя это и не доказано), но доказать, что духовная жизнь вытекает из материальной, никому не удалось и не удастся, — считает Александр Николаевич.

— Как вы считаете, будут ли когда-нибудь обнаружены другие цивилизации?

— Возможно. Хотя явления жизни — удивительно редкая вещь. Но элементы органической жизни присутствуют в космосе.

— А что самое главное в работе астронома?

— Найти себя. Как и в любом другом деле.

После войны. Слева — Александр Николаевич Дадаев с супругой Раисой Николаевной.